

*Т. И. Краснобородько*

**«ЖАЛЬ КОЛЬЦА...»  
(НЕВОСТРЕБОВАННЫЙ ДОКУМЕНТ О СУДЬБЕ  
ПУШКИНСКОГО ПЕРСТНЯ-«ТАЛИСМАНА»)**

23 марта 1917 г. газета «Русское слово» напечатала короткое, без каких-либо подробностей, сообщение о краже из Пушкинского лицейского музея: «Сегодня в кабинете директора Пушкинского музея, помещающегося в здании Александровского лицея, обнаружена кража ценных золотых вещей, сохранявшихся со времен Пушкина. Среди похищенных вещей находятся золотой перстень, на камне которого была сокращенная надпись на древнееврейском языке, и свинцовая пуля в золотой оправе, найденная в кармане жилетки Пушкина 27-го января 1837 года. Приняты меры к розыску похищенных вещей».<sup>1</sup>

Подробности этого происшествия стали известны только 80 лет спустя. В 1997 г. С. М. Некрасов опубликовал записку А. А. Повержо – лицейского выпускника 1891 г., который связал свою дальнейшую судьбу с Лицеем и прошел в нем путь от репетитора до инспектора воспитанников и классов, а с марта 1917 г. (в связи с болезнью В. А. Шильдера) исполнял и обязанности директора Лицея. Повержо вспоминал, как он, беспокоясь «о сохранности богатого лицейского имущества и, в частности, Пушкинского музея с его ценными рукописями и разными медалями и реликвиями», отправился в недавно образованный местный комиссариат. Комиссар выделил наряд из 8–10 солдат, одетых в форму Гренадерского полка, и они были расставлены в главных пунктах Лицея. «Защитники оказались, однако, ненадежными, – вспоминал Повержо. – Наутро караул исчез, остался только один часовой, и тот не знал, какого полка были остальные. <...> Но оказалось, что взломан стеной железный шкаф в квартире директора, где хранились ценности Пушкинского музея, и что исчезло несколько медалей, золотое перо, пушкинское кольцо, талисман поэта, пуля... Бросились в казармы Гренадерского полка, но там о лицейском карауле не имели никакого понятия. На новообразо-

---

<sup>1</sup> Б. н. Кража из Пушкинского музея // Русское слово. 1917. 23 марта. № 66.

ванную милицию рассчитывать не приходилось, и вещи пропали безвозвратно».<sup>2</sup>

Почти одновременно с воспоминаниями лицеистов, оказавшихся в эмиграции, было опубликовано еще одно чрезвычайно важное свидетельство о пропаже перстня Пушкина. Это дневник воспитателя и секретаря Александровского Лицея А. Э. Шольца, относящийся ко времени Февральской революции. Пропажа кольца, судя по одной из мартовских записей 1917 г., обнаружилась неожиданно, когда часть пушкинских рукописей из лицейского Музея решили перенести в неогороженный шкаф, находившийся в кабинете директора. Сейф оказался взломанным и разграбленным. «Все перерыто, все золотые медали и брелоки, уложенные мною туда после уборки витрин, похищены, – фиксировал А. Э. Шольц по горячим следам событий. – Все это не так, конечно, важно, но пропали между прочим Пушкинский перстень “Талисман”, затем менее, конечно, ценные ножницы и пуля (найденная, как говорят, в жилетном кармане Пушкина) и отделанная в брелок. Вор, по-видимому, искал только ценные вещи. <...> Как это могло случиться, не понимаю. Ключ был у меня. Единственно возможно, что, запирая шкаф, я одну дверку не запер, что дает возможность отпереть другую сторону. Ужасно мне это горько и обидно. <...> Едва ли что удастся найти. Пропало кое-что и из Лице[аны]».<sup>3</sup> Предварительное расследование обстоятельств кражи привело к мысли, что похитителем был «не кто другой, как один из солдат караула гренадеров, которые стояли» в Лицее «в ночь на 4 марта».<sup>4</sup>

Приходится, к сожалению, признать, что Каменноостровский проспект, куда в 1844 г. был переведен Императорский Царскосельский Лицей, оправдал известную характеристику О. Э. Мандельштама,

---

<sup>2</sup> Конец Императорского Александровского Лицея / Составлено по запискам последнего инспектора Лицея, лицеиста XLVII курса А. А. Повержо, дополненным графом В. Н. Кокочовым и лицеистами младших курсов // *Некрасов С. М.* Лицей после Лицея. М., 1997. С. 85–86.

<sup>3</sup> Два дневника. Февраль 1917 / Публ. Н. К. Герасимовой и З. П. Соловьевой // Краеведческие записки: Исследования и материалы. СПб., 2000. Вып. 7. С. 28. В указанной работе автор дневника, имя которого отсутствует в рукописи, по недоразумению был назван публикаторами А. Э. Шмольцем – с отсылкой к стб. 437 справочника «Весь Петроград» на 1917 г. Между тем в указанном столбце фамилия секретаря Лицея Александра Эмильевича Шольца напечатана с ошибкой, оставшейся незамеченной (при этом в соседнем стб. 438 и на с. 771 этого же справочника она была набрана правильно). Выпускник LIX курса А. Э. Шольц с ноября 1904 г. по август 1917 г. служил в Лицее воспитателем, а в 1916–1917 гг. занимал, кроме того, должность секретаря этого учебного заведения (личное дело А. Э. Шольца см.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.), ф. 11, оп. 1, № 4093).

<sup>4</sup> Два дневника. Февраль 1917. С. 29 (записи 12 и 13 марта).

назвавшего его «одной из самых легких и безответственных улиц Петербурга», которая «в семнадцатом <...> году, после февральских дней», «еще более полегчала, с ее паровыми прачечными, грузинскими лавочками, продающими исчезающее какао, и шальными автомобилями Временного правительства».<sup>5</sup>

Газетное известие о бесследном исчезновении пушкинской реликвии, несмотря на сложные обстоятельства военного и революционного времени, дошло до А. Ф. Онегина – создателя и хранителя Пушкинского музея в Париже. Вклеив сообщение «Русского слова» в альбом газетных вырезок,<sup>6</sup> он снабдил его некрологической ремаркой: «† кольцо Пушкина». Реплика Онегина не была случайной: в ней не только сожаление рыцарственного почитателя Пушкина об утрате перстня поэта, но скорбный вздох несостоявшегося хранителя этой реликвии.

Напомню некоторые факты послепушкинской истории перстня-«талисмана», который, как известно, был подарен поэту графиней Е. К. Воронцовой – предположительно летом 1824 г. Он служил Пушкину печаткой с начала 1825 г. до последних дней жизни<sup>7</sup> и был зарисован им на черновой рукописи стихотворения «О бедность, затвердил я наконец...» (этот автограф сохранялся в музейном собрании А. Ф. Онегина<sup>8</sup>). По смерти поэта перстень перешел к В. А. Жуковскому, потом достался его сыну Павлу – ближайшему другу Оне-

---

<sup>5</sup> *Мандельштам О. Э.* Египетская марка // Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2010. Т. 2. С. 278.

<sup>6</sup> В настоящее время хранится в Пушкинском кабинете Библиотеки ИРЛИ.

<sup>7</sup> В Пушкинском Доме хранится 78 писем Пушкина, запечатанных «талисманом». Самое раннее из них адресовано П. А. Вяземскому и датировано 19 февр. 1825 г., самое позднее – Н. И. Гречу (датировано 13 окт. 1836 г.) (см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1290, № 1583). Пушкину не было известно содержание надписи, которая была вырезана на восьмиугольном сердолике, вставленном в золотую оправу. В. А. Жуковский и И. С. Тургенев думали, что надпись сделана на арабском языке, и также не знали, что она значит. Надпись была переведена только в 1880 г., когда Тургенев предоставил перстень на Пушкинскую выставку, устроенную Обществом любителей российской словесности в Москве. Московский старший раввин З. Минор установил тогда, что надпись, вырезанная зеркально (в обратном направлении), сделана на древнееврейском языке и означает: «Симха, сын почтенного рабби Иосифа, да будет благословенна его память» (см.: Альбом московской Пушкинской выставки 1880 года / Изд. Общества любителей российской словесности под ред. Л. Поливанова; Биографический очерк А. С. Пушкина составил А. А. Венкштерн (Венкстерн). М., 1882. С. 168; 2-е изд. М., 1887. С. 159–160).

<sup>8</sup> Воспроизведение автографа и описание музейных папки и конверта, в которых он хранился (с комментирующими записями Онегина на них), см. в кн.: «Тень Пушкина меня усыновила...»: Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина: Каталог выставки. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997. С. 30–31 (№ 8).

гина. В 1875 или в 1876 г. Павел Васильевич передал кольцо И. С. Тургеневу, «увлекшись», по свидетельству Онегина, и самим писателем, и «его обожанием Пушкина»,<sup>9</sup> — «с условием возврата в случае смерти». «Тургенев на это согласился, но действительно раз, очевидно, забыв об условии, сказал, что, умирая, передаст его графу Л. Толстому.<sup>10</sup> Сказал он это даже в присутствии самого П. В. Жуковского, не нашедшего возможным протестовать тут же»,<sup>11</sup> — писал Онегин в памятной записке (или наброске неосуществленной газетной статьи), которая сохранилась в его архиве.

Весть о смерти Тургенева застала П. В. Жуковского в Висбадене. В первом же письме, отправленном оттуда Онегину, Жуковский, потрясенный трагическим сообщением, тем не менее вспомнил о принадлежавшей ему пушкинской реликвии. «Знаешь что-нибудь об участи моего пушкинского кольца? — писал он 10 сент. 1883 г. — Нужно ли сделать какие-нибудь шаги, чтобы его получить опять?»<sup>12</sup> Онегин умолял Павла Жуковского, лично знакомого с Полиной Виардо,<sup>13</sup> добиться от нее возвращения пушкинского перстня. «Употребь все старания, — писал он 11 сент. 1883 г. из Парижа в Висбаден, — чтобы получить кольцо. Притворись даже покорным, сочувствующим ей, будь дипломатом или в высшей степени тонкосветским, чтобы добиться своего».<sup>14</sup> Жуковский написал «цыганке» (так друзья называли между собой наследницу Тургенева) «очень восторженное», по его словам, письмо, в котором «просил у нее просто оказать <...> милость, что, впрочем, будет и верно, ибо он <Тургенев> ей все оставил».<sup>15</sup> По сло-

---

<sup>9</sup> 28 янв. 1876 г. П. В. Жуковский, в частности, сообщал А. Ф. Онегину о своих частых встречах с Тургеневым: «Он все тот же добрейший друг и блестящий собеседник. <...> Он теперь вновь воспламенился для Пушкина и повсюду разрезжает с томом его сочинений и восторженно читает их и прекрасно объясняет его чудесные прелести» (цит. по: *Иванова Л. Н.* Тургенев в переписке А. Ф. Онегина и П. В. Жуковского // *И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества.* Л., 1982. С. 163). В цитируемом фрагменте возможно и другое прочтение слова «томом» — «толком» (см.: РО ИРЛИ, № 28904, л. 42 об.).

<sup>10</sup> Онегин имеет в виду сообщение В. Б. Пассека, в котором приведены эти слова Тургенева (см.: *Пассек В.* Еще о перстне Пушкина // *Новое время.* 1887. 8 марта. № 3959).

<sup>11</sup> РО ИРЛИ, № 29293, л. 1 об. Эта записка была составлена Онегиным, вероятнее всего, в мае 1887 г. (фрагмент ее был опубликован Л. Н. Ивановой; см.: *Иванова Л. Н.* Тургенев в переписке А. Ф. Онегина и П. В. Жуковского. С. 170, примеч. 5).

<sup>12</sup> Цит. по: *Иванова Л. Н.* Тургенев в переписке А. Ф. Онегина и П. В. Жуковского. С. 168.

<sup>13</sup> П. В. Жуковский бывал на воскресных приемах в доме певицы — «славной, чудной женщины». Именно так он отзывался о Полине Виардо в письме к Онегину от 24/12 янв.<sup>4</sup> 1875 г. (РО ИРЛИ, № 28904, л. 24 об.—25).

<sup>14</sup> Цит. по: *Иванова Л. Н.* Тургенев в переписке А. Ф. Онегина и П. В. Жуковского. С. 169.

<sup>15</sup> Там же. С. 171.

вам Онегина, «Г-жа Виардо не ответила ни слова». «На вторичное наименование <sic!> об этом через одну из своих русских учениц, – читаем в уже цитированной записке Онегина, – ответила: “Жуковско-го не знаю”; на ходатайство еще одного лица ответила: “Кольцо никакой ценности не представляет”».<sup>16</sup>

Эпистолярный диалог Онегина и Жуковского о пушкинском перстне закончился 29 сент. 1883 г. вздохом Онегина, который к тому времени уже начал создавать свой Пушкинский музей: «Жаль кольца!».<sup>17</sup>

В те же самые дни Альфонс Дювернуа – зять певицы, ставшей по завещанию Тургенева единственной наследницей писателя, сообщал редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу о «вежливой просьбе» сына Жуковского, на которую «очень трудно ответить категорическим отказом»: «Что же касается перстня Пушкина, то представляется довольно любопытное затруднение. Г. Жуковский, который унаследовал его от своего отца и подарил перстень Тургеневу, *просит его обратно*. Правда, он говорит, что хочет после своей смерти завещать его какому-нибудь музею, но это вовсе – не одно и то же. <...> Г-жа Виардо будет сговариваться с г. Жуковским и постарается дать ему понять, что лучше следовать буквально желанию Тургенева, чем исполнить его только после смерти самого г. Жуковского. Если ей это удастся, то, как только она получит право собственности по наследству, перстень будет отправлен Вам».<sup>18</sup>

Виардо все же ответила на «восторженное» письмо Павла Жуковского – через месяц. 13 окт. 1883 г. она отправила ему из Буживаля в Висбаден подробное и чрезвычайно любезное письмо: «Милостивый государь! Извините, что я благодарю Вас с таким опозданием за Ваше, глубоко меня тронувшее, письмо с выражением сочувствия. Я была, да и сейчас еще удручена делами, занявшими все мое время. Действительно, я припоминаю перстень, заполучить который наш незабвенный друг был счастлив. Он носил перстень долгое время, но уже несколько месяцев как снял его с руки. Он боялся потерять кольцо, поскольку у него похудела рука. Он должен был спрятать кольцо в один из ящиков своего парижского письменного стола, но убедиться в этом я могу лишь после того, как снимут печати. Г-ну Стасюлевичу, находившемуся в Париже в минуту смерти нашего друга, петербургская дума поручила устройство и проведение похорон, которые были бы достойны Тургенева. Я ему вручила посмертную маску и слепок руки, сделанные в самый день кончины. Костюм доктора Оксфорд-

---

<sup>16</sup> РО ИРЛИ, № 29293, л. 1 об.

<sup>17</sup> Цит. по: *Иванова Л. Н.* Тургенев в переписке А. Ф. Онегина и П. В. Жуковского. С. 173.

<sup>18</sup> М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М. К. Лемке. СПб., 1912. Т. 3. С. 274 (письмо от 27 сент. 1883 г.).

ского университета я обещала Университету, и, одновременно, одной из Библиотек – драгоценный перстень. Г-н Стасюлевич и Боголюбов пришли в восторг от умиления. Вы видите, милостивый государь, что наши мысли и намерения сошлись. Если все же Вы не желаете, чтоб я распорядилась этим перстнем подобным образом, что, мне кажется, было в намерении нашего друга, пожалуйста, поставьте меня в известность, дабы я могла предупредить г. Стасюлевича. Надеюсь, что вы приедете в Париж этой зимой и догадаетесь, что вы всегда желанный гость моего дома».<sup>19</sup>

Прошло три с лишним года после смерти Тургенева. Полина Виардо была введена во владение наследством писателя еще в феврале 1884 г., но пушкинская реликвия по-прежнему оставалась в ее руках. Поэтому Онегин решил обнародовать в русской печати известные ему сведения о судьбе перстня, который, как он был убежден, «попал не в надлежащее владение людей, ничего общего не имеющих ни с Россией, ни с интересами ее».<sup>20</sup> В рукописи статьи об автографе «Графа Нулина», посланной в «Вестник Европы» 14 (26) янв. 1887 г., накануне 50-летия гибели Пушкина, Онегин между прочим сообщал о другом, также находящемся в его владении пушкинском автографе – с рисунком перстня-«талисмана», и о тщетных попытках Павла Жуковского вернуть подлинный перстень. Редактор «Вестника Европы» этот пассаж «профильтрировал», по язвительному замечанию Онегина. В журнале осталась предельно краткая информация о пушкинском «талисмани»: «На указательном пальце левой руки нарисован его знаменитый перстень с восточною надписью. Перстень этот достался потом В. А. Жуковскому, а сыном его подарен И. С. Тургеневу».<sup>21</sup>

---

<sup>19</sup> Цит. по: *Леонтьевский Н.* Письма Полины Виардо в Россию // *Подъем.* 1965. № 1. С. 141–142. В этой публикации цитируемое письмо Полины Виардо (в пер. с фр. яз.) было напечатано как письмо к А. Ф. Онегину (конверт с адресом не сохранился, а Виардо обращалась к своему корреспонденту без имени: «*Cher monsieur*») и, кроме того, с неверно прочитанной датой: «13.9 1883» (в оригинале: «13 8<sup>bcc</sup> 1883»). Подлинник письма поступил в Пушкинский Дом в составе архива А. Ф. Онегина в 1928 г. и был записан в инвентарную книгу с ошибочной атрибуцией (см.: РО ИРЛИ, № 28698), которая впоследствии оказалась закрепленной в публикации Н. А. Леонтьевского.

<sup>20</sup> РО ИРЛИ, № 29293, л. 1. Через 10 лет, когда угасли страсти вокруг пушкинского кольца и многое осталось в прошлом, все же произошла встреча Онегина с П. Виардо. Об этом свидетельствует нотная запись, оставленная певицей 15 окт. 1897 г. в альбоме гостей парижского Пушкинского музея. Она вписала туда три такта своего романа на стихи пушкинского «Заклинания» («О, если правда, что в ночи...») (воспроизведение см. в кн.: И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2011. Вып. 2. С. 176).

<sup>21</sup> Варианты и новые стихи в тексте «Графа Нулина» А. С. Пушкина / Сообщил А. Ф. Онегин // *Вестник Европы.* 1887. Кн. 2. С. 883 (примеч.).

6 апр. 1887 г. Онегин отправил М. М. Стасюлевичу письмо, в котором отмечал «очень важные» ошибки журнальной публикации. Самый взволнованный пассаж этого письма относился к истории с пушкинским «талисманом»: «Вы выпустили невинную мою заметку о кольце моего друга. За это не сержусь, но думаю, что напрасно “менажируете”. Правда все-таки прежде всего! Подарить это кольцо какому-либо музею имеет право все-таки один П. В. Жуковский и никто в мире другой».<sup>22</sup> О своей неудачной попытке публично напомнить о настоящем владельце пушкинского перстня Онегин рассказал Павлу Жуковскому, но тот просил его «не распространяться более об этом, собственно, его личном деле».<sup>23</sup> 22 марта 1887 г. Жуковский писал Онегину из Веймара: «Теперь прошу тебя <...> не писать о кольце; это все мои дела, до которых касаться следует мне. Не сердись и сделай, как прошу тебя».<sup>24</sup>

Тем не менее «русские парижане», знавшие о судьбе пушкинского перстня, считали, что Полина Виардо не имеет на него никаких прав. Так, О. Н. Смирнова,<sup>25</sup> публикуя через несколько лет после описываемых событий «Записки» своей матери А. О. Смирновой-Россет, упоминание в них перстня-«талисмана» снабдила следующим примечанием: «Умирая, Пушкин дал это кольцо Жуковскому. Сын Жуковского его долго хранил, а затем передал Ив. Тургеневу, как выражение своего преклонения перед его талантом. По смерти Ив. Тургенев должен был оставить это кольцо Павлу Жуковскому. Кольцо было отдано только тогда, когда я написала одному русскому генералу, где оно. Через некоторое время кольцо было переслано в Россию, когда газеты заговорили об этом».<sup>26</sup> Можно только предполагать, кто был этим не названным О. Н. Смирновой «русским генералом». В одном из писем Я. К. Гроту она говорила о том, что после смерти Тургенева «написала князю Мещерскому некоторые подробности о нем <Тургеневе> и упомянула о талисмане», но не знает, «напечатал ли он все», что она ему сообщила.<sup>27</sup> Возможно, здесь идет речь либо о влиятельном князе В. П. Мещерском – издателе и редакторе «Гражданина»,

---

<sup>22</sup> РО ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, № 1053, л. 7 об. – 8. М. М. Стасюлевич отвечал Онегину 29 марта (10 апр.) 1887 г. подробным письмом, но при этом ни словом не затронул болезненную тему пушкинского перстня (см.: Там же, № 29116, л. 10–11).

<sup>23</sup> Там же, № 29293, л. 1 об.

<sup>24</sup> Там же, № 28904, л. 135.

<sup>25</sup> Следует, однако, отметить, что однажды О. Н. Смирнова решительно возразила против, казалось бы, общепринятого именованья русских, которые обосновались во французской столице: «Я не русская Парижанка, а русская женщина, проживающая в Париже, не эмигранткой, а по семейным обстоятельствам» (Там же, № 28433, л. 2).

<sup>26</sup> Записки А. О. Смирновой: (Из записных книжек 1826–1845 гг.). СПб., 1897. Ч. 2. С. 79.

<sup>27</sup> См.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, № 101, л. 1 (письмо от 8 марта / 24 февр. 1887 г.).

близком к придворным кругам, либо о его двоюродном брате князе А. В. Мещерском – генерал-майоре в отставке, знакомом с семьей Виардо с 1844 г. В близкий круг Тургенева и Виардо входил и князь А. А. Мещерский – свидетель последних дней жизни писателя (с его слов корреспондент «Нового времени» 3/15 сент. 1883 г. напечатал подробный рассказ о предсмертных часах И. С. Тургенева). Но нельзя также исключить и того, что этим «русским генералом» мог быть и сам академик Я. К. Грот, лицеист VI курса (выпуск 1832 г.), которому Смирнова отправила несколько писем из Парижа в феврале–марте 1887 г. (уже после выхода статьи Онегина в «Вестнике Европы») – с намерением сообщить все, что ей известно о перстне Пушкина и что «может послужить делу, т. е. возратить это сокровище Павлу Жуковскому» или России.<sup>28</sup> Два письма О. Н. Смирновой, представляющих собой отклик на статью С. Ф. Либровича «Портреты Пушкина» (она, собственно, и спровоцировала газетный «разговор» о пушкинском перстне-«талисмани»),<sup>29</sup> Я. К. Грот напечатал в «Новом времени» в марте 1887 г.<sup>30</sup> Онегина, внявшего просьбе Жуковского и отказавшегося от публичного обсуждения вопроса о пушкинском перстне, такой поворот событий, кажется, огорчил, и он писал об этом своему другу в не дошедшем до нас письме. «Это не беда, что разные другие, не так мне близкие лица, как ты, пишут о кольце, – утешал его Павел Жуковский в ответном письме от 28 марта 1887 г. – Тем лучше, и я рад статьям Ольги Ник<олаевны> <Смирновой>. Она милая. Я очень ее люблю, и ты бывай у ней почаще».<sup>31</sup>

Трудно сказать, в какой степени шаги, предпринятые А. Ф. Онегиным и О. Н. Смирновой, повлияли на развитие событий, но, как считал Онегин, «усилия некоторых пламенных почитателей Пушкина увенчались успехом».<sup>32</sup> Вскоре Полина Виардо через своего поверенного В. Н. Герарда отправила пушкинское кольцо в Петербург.<sup>33</sup>

---

<sup>28</sup> Там же, л. 3 (письмо от 21/9 марта 1887 г.).

<sup>29</sup> См.: С. Л. Портреты Пушкина // Новости. 1887. 30 янв. № 29.

<sup>30</sup> См.: Смирнова О. 1) Перстень Пушкина: (Письмо в редакцию) // Новое время. 1887. 5 марта. № 3956; 2) Письмо в редакцию // Там же. 17 марта. № 3968. Оригиналы писем Смирновой со стилистической правкой Я. К. Грота остались в его архиве (см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, № 101, л. 4, 2).

<sup>31</sup> РО ИРЛИ, № 28904, л. 138.

<sup>32</sup> Там же, № 29293, л. 1.

<sup>33</sup> Семь лет спустя, когда В. Н. Герард передавал в Лицей медальон с прядью пушкинских волос, он особенно подчеркивал в письме директору Лицея бар. Ф. Ф. Врангелю, что «И. С. Тургенев никакого не сделал распоряжения в завещание своем относительно медальона с волосами Пушкина; мысль передать этот медальон в музей А. С. Пушкина принадлежит самой Г<sup>р</sup> Полине Виардо Гарсиа, также как и относительно известного перстня А. С. Пушкина, который был согласно ее желанию передан мною в музей Пушкина» (Там же, ф. 665, оп. 1, № 132).



29 апр. 1887 г. его лично доставил в Пушкинский лицейский музей В. П. Гаевский – воспитанник XIV курса.<sup>34</sup> Меньше чем через год Гаевский ушел из жизни, но успел написать для «Вестника Европы» обстоятельное исследование «Перстень Пушкина», в котором опровергал «массу ошибочных и вымышленных известий последнего времени» о реликвии поэта и искренне полагал, что с водворением перстня в лицейское музейное собрание его «похождениям» настал конец.<sup>35</sup> В октябре 1888 г. в ежегодно издаваемом лицейском листке о пожертвованиях в Пушкинский музей с особой торжественностью сообщалось, что «девятый год существования Puschkiniana ознаменовался августейшим посещением Их Императорских Величеств, удостоивших своим высоким вниманием различные предметы нашего собрания и в особенности известный перстень великого поэта».<sup>36</sup> Могли ли предположить тогда лицейские пушкинианцы, что перстень, с таким трудом возвращенный в Россию, будет похищен – именно из стен их alma mater!

Когда это произошло? Станный, на первый взгляд, вопрос. В общем мнении утвердилась именно та версия, которая подробно изложена в начале статьи: перстень украли в марте 1917 г. Она поддержана в работах Л. П. Февчук и С. В. Павловой<sup>37</sup> – авторитетных историков Лицея и многолетних сотрудников Всероссийского музея А. С. Пушкина. Правда, в двух изданиях книги «Личные вещи А. С. Пушкина» и во втором издании более поздней работы «Портреты и судьбы» Л. П. Февчук, рассказывая о краже кольца, цитировала

---

<sup>34</sup> В. П. Гаевский сам писал об этом академику Я. К. Гроту 29 апр. 1887 г.: «Многоуважаемый Яков Карлович, прочитав сегодня статью о перстне, будто бы Пушкина, с Вашею заметкою (речь идет о статье: *Л. Еще о перстне Пушкина* // Новое время. 1887. 29 апр. № 4009. С. 2. – *Т. К.*), я снял несколько снимков (имеются в виду оттиски на сургуче. – *Т. К.*) с его талисмана, который я получил на прошлой неделе от г-жи Виардо, и сегодня доставил в Пушкинский музей. Прилагаю один из этих снимков на случай, если бы Вам было угодно продолжать исследование и поручить кому-либо из академиков-ориенталистов разобрань таинственную надпись. Искренно преданный В. Гаевский» (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, № 101, л. 8). На следующий день сообщение Гаевского о передаче пушкинского кольца в Лицей появилось и в прессе (см.: *Гаевский В. Конец походов перстня Пушкина* // Новое время. 1887. 30 апр. № 4010. С. 3). См. также письмо П. Виардо к В. П. Гаевскому от 30 апр. (п. ст.) 1887 г. (*Леонтьевский Н. Письма Полины Виардо в Россию*. С. 145).

<sup>35</sup> См.: *Гаевский В. П. Перстень Пушкина: По новейшим исследованиям* // Вестник Европы. 1888. № 2. С. 521–537.

<sup>36</sup> РО ИРЛИ, ф. 665, оп. 1, № 1, л. 18 (листок № 10 от 19 окт. 1888 г.).

<sup>37</sup> См.: *Павлова С. В.* 1) Пушкинский музей Императорского Александровского Лицея // Страницы истории пушкиноведения: Сб. науч. трудов. СПб., 1994. С. 28, 30, 39; 2) Императорский Александровский (бывший Царкосельский) Лицей. СПб., 2002. С. 121–123, 128, 152–154.

сообщение «Русского слова» от 23 марта 1917 г.,<sup>38</sup> но в первом издании «Портретов и судеб» почему-то ограничилась только общей фразой: «Из Александровского лица перстень был украден» (без указания года и отсылки к «Русскому слову»),<sup>39</sup> хотя каких-либо иных сведений об исчезновении пушкинского «талисмана» не привела.

Между тем еще одна история об обстоятельствах пропажи пушкинской реликвии была обнародована почти 90 лет назад. В 1923 г. московский журнал «Среди коллекционеров» напечатал статью «Украденный перстень Пушкина». Ее автор Иван Васильевич Евдокимов (1887–1941) – поэт, искусствовед, во второй половине 1920-х гг. – успешный беллетрист.<sup>40</sup> Уроженец Вологды, он, пройдя школу местной подпольной большевистской организации, с 1911 по 1915 г. учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета и был одним из многочисленных учеников И. А. Шляпкина. Зная о страсти своего профессора к коллекционированию, он – как «доказательство» своей «живейшей благодарности и привязанности» – однажды подарил ему приобретенный у частного лица «маленький рукописный архив», в котором были автографы С. Д. Дрожжина, Л. А. Чарской, П. В. Засодимского, Н. К. Михайловского, П. И. Вейнберга, Г. В. Юдина и др.<sup>41</sup> В 1922 г. Евдокимов переехал из Вологды, куда вернулся по окончании университета,<sup>42</sup> в Москву и работал поначалу техническим редактором в Госиздате.

В упомянутой статье 1923 г. Евдокимов передавал слышанный им когда-то рассказ И. А. Шляпкина о том, что пушкинское кольцо и «несколько рукописей» были украдены из музейной витрины в 1890-е гг. лицейским дядькой, который «сбыл их одному петроградскому старьевщику». «Когда воровство обнаружилось и дядька сознался в своем проступке, – сообщил Евдокимов со слов своего университетского профессора, – то по его указаниям бросились в поиски за перстнем и рукописями. Все рукописи будто бы удалось вернуть, но перстня у старьевщика уже не оказалось. Дело о воровстве дядьки не получило огласки. Администрация лица предпочла скрыть от общества эту

---

<sup>38</sup> См.: *Февчук Л. П.* 1) Личные вещи А. С. Пушкина: (Из собрания Всесоюзного музея А. С. Пушкина). Л., 1968. С. 70–71; 2-е изд. Л., 1970. С. 79; 2) Портреты и судьбы: Из ленинградской пушкинианы. 2-е изд., доп. Л., 1990. С. 214.

<sup>39</sup> *Февчук Л. П.* Портреты и судьбы: Из ленинградской пушкинианы. Л., 1984. С. 225.

<sup>40</sup> Подробнее о И. Е. Евдокимове см.: Литературная энциклопедия. [М.] 1930. Т. 4. Стб. 9–10; Крайняя литературная энциклопедия. М., 1964. Т. 2. С. 849; Рожденные Вологодчиной: Энциклопедический словарь биографий / Сост. М. В. Суров. Вологда, 2005. С. 193.

<sup>41</sup> См.: РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 1257, л. 10 (письмо И. В. Евдокимова И. А. Шляпкину от 14 нояб. 1912 г.).

<sup>42</sup> По другим сведениям, университетского курса И. В. Евдокимов не закончил.

преступную историю. Но чтобы избежать скандала, надо было предпринять соответствующие шаги. <...> Среди ученых и литераторов было много людей, хорошо знавших подлинник, его размеры, внешний вид и форму. Словом, материал для реставрации оказался под руками. И перстень не представляло особенного труда восстановить. При печатании известной книги Яхонтова и Аснаша “Пушкинский музей” решено было в приложении дать оттиски подлинного Пушкинского перстня. К этому времени в музее уже находился “новый” Пушкинский перстень. И. А. Шляпкин, как он нам рассказывал, получив оттиски с перстня для просмотра, поражен был разницей между прежними оттисками и новыми. Только тогда сообщили ему историю кражи. Дабы не вызвать шума, пришлось в книге “Пушкинский музей” напечатать старый снимок с подлинного перстня, а не с новодела. Перстень доселе не обнаружен».<sup>43</sup>

Евдокимов, по его признанию, решил обнародовать эту историю ради восстановления истины, чтобы «около самого ясного и чистого нашего поэта не было никаких обманов».<sup>44</sup> Имен тех, кто был причастен к этой истории, автор статьи не называл (возможно, он их не запомнил или вовсе не знал); о краже 1917 г. даже не упоминал – скорее всего, о ней ему было просто не известно (в условиях военного и революционного времени номер «Русского слова» с сообщением о происшествии в Александровском Лицее мог не дойти до Вологды). И. А. Шляпкина к этому времени уже не было в живых (он умер весной 1918 г.). Поэтому можно понять издателей московского журнала, которые сопроводили сенсационный по существу материал следующим примечанием: «Помещая заметку И. Евдокимова, редакция предоставляет страницы “Среди коллекционеров” всякого рода сообщениям по затронутому автором вопросу».<sup>45</sup> На предложение журнала никто не откликнулся, хотя трудно представить, что И. В. Евдокимов был единственным человеком, которого Шляпкин мог посвятить в тайну пропажи кольца.

В 1925 г. М. А. Цявловский, комментируя в «Рассказах о Пушкине» упоминание П. В. Нащокиным сердоликового перстня, который носил поэт, писал, что из Пушкинского лицейского музея он, «кажется, был украден», и давал глухую отсылку к статье И. Евдокимова.<sup>46</sup>

Приблизительно в это же время Б. Л. Модзалевский в примечании к письму Пушкина от 1-й половины ноября 1824 г., в котором

---

<sup>43</sup> *Евдокимов И.* Украденный перстень Пушкина // Среди коллекционеров: Ежемесячник искусства и художественной старины. 1923. № 1–2. С. 25–26.

<sup>44</sup> Там же. С. 26.

<sup>45</sup> Там же. С. 24.

<sup>46</sup> См.: Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851–1860 годах / Вступ. ст. и примеч. М. Цявловского. М., 1925. С. 108.

поэт просил брата Льва прислать «перстень», сообщал: «Вероятно, тот самый перстень с еврейской надписью, который в 1824 г. был подарен Пушкину гр. Е. К. Воронцовой; <...> перстень этот пропал, с него была сделана потом копия, но и она исчезла в мартовские дни революции 1917 г., когда здание Лицея подверглось разгрому»,<sup>47</sup> – и при этом не сделал никаких отсылок к источникам (заметим, что подобные «упущения» не характерны для Б. Л. Модзалевского).

Позднее, уже в 1930-е гг., Н. С. Ашукин в книге «Живой Пушкин» и Э. Ф. Голлербах в альбоме «А. С. Пушкин в изобразительном искусстве» историю исчезновения подлинного перстня-«талисмана» излагали («по Евдокимову»), но только Голлербах прямо отсылал к его статье.<sup>48</sup> Отклики на эти издания (с изложением информации о «злоключениях талисмана») появились и в зарубежной прессе – парижских «Последних новостях»,<sup>49</sup> например, но никто из лицеистов, оказавшихся в эмиграции, публично на них не отреагировал.

Между тем в Рукописном отделе Пушкинского Дома с декабря 1928 г. хранится документ, подтверждающий достоверность рассказа И. В. Евдокимова. Он поступил в составе огромного архива И. А. Шляпкина (1858–1918), который передал в Пушкинский Дом В. Г. Дружинин – член-корреспондент Академии наук, коллега и ближайший друг Ильи Александровича. Это визитная карточка Шляпкина, на оборотной стороне которой на красном сургуче сделан оттиск печати, обрамленный собственноручной записью Шляпкина: «Оттиск с перстня Пушкина, хранящегося в Лицейском музее Пушкина. Сегодня 19 мая 1897 г. я слышал вместе с В. А. Шильдером рассказ Дорспрунг-Целицы о покраже этого перстня старшим дядькой при бароне Врангеле. Настоящий перстень пропал, и это только копия, сделанная на память. И. Шляпкин».<sup>50</sup>

В подлинности этого документа не приходится сомневаться. Прокомментируем его. «Открытие» Шляпкина пришлось на конец его первого учебного года в должности лицейского преподавателя.<sup>51</sup> Илья Александрович читал курс русской словесности в старших классах Лицея с 1 сент. 1896 г. и курировал одновременно Пушкинский музей, который находился в ведении воспитанников выпускного класса.

---

<sup>47</sup> *Пушкин. Письма* / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 364.

<sup>48</sup> См.: *Ашукин Н. Живой Пушкин*. М., 1934. С. 210–211; А. С. Пушкин в изобразительном искусстве / Литературная ред. А. Л. Слонимского; Художественная ред. и коммент. Э. Ф. Голлербаха. Л., 1937. С. 122.

<sup>49</sup> Републикацию заметок из «Последних новостей» см. в кн.: Тверская старина. 2000. № 20. С. 35–36, 55–56 (специальный вып. «Парижская пушкиниана»).

<sup>50</sup> РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 7, № 64.

<sup>51</sup> Личное дело И. А. Шляпкина см.: ЦГИА СПб., ф. 11, оп. 1, № 4089.

Можно предположить, что Шляпкин либо обратил внимание на какие-то «подозрительные» особенности музейного экспоната, либо просто решил изготовить для своего собрания оттиск со знаменитого «талисмана». <sup>52</sup> Опытный палеограф и искушенный коллекционер, Шляпкин, конечно же, не мог не заметить разницы между оригинальными отпечатками, которые хранились в Лицейском музее, и оттиском с новодела, который «перстня верного утратил впечатленье» (к слову сказать, это видно даже невооруженным глазом).

Недоумение преподавателя русской словесности разрешил К. Л. Дорспрунг-Целлица (1839 – не ранее 1905) – преподаватель геометрии, физики и космографии и лицейский воспитатель с 1881 г. Его объяснения слушал и В. А. Шильдер (1855–1925) – как и Шляпкин, новый человек в лицейском штате: гвардии полковник, адъютант вел. кн. Михаила Николаевича и воспитатель его сына вел. кн. Алексея Михайловича, Шильдер стал инспектором воспитанников в августе того же 1896 г. (позднее именно ему выпадет жребий стать последним директором Лицея). Оба – и Шляпкин, и Шильдер – занимали важное место в лицейской иерархии, и нельзя исключить также того, что Дорспрунг-Целлица, входивший в хозяйственное правление Лицея, просто вынужден был посвятить их в лицейскую тайну.

Как следует из записи Шляпкина, чрезвычайное происшествие в Лицейском музее случилось в период директорства барона Ф. Ф. Врангеля. Морской офицер, известный гидрограф и гидролог, воспитатель одного из сыновей вел. кн. Екатерины Михайловны – герцогини Мекленбург-Стрелицкой, барон Врангель (1844–1919) прослужил в Александровском Лицее 13 лет: в 1883 г. он стал инспекто-

---

<sup>52</sup> И. Евдокимов писал о том, что Шляпкин обнаружил подделку во время подготовки «Описания Пушкинского музея Императорского Александровского Лицея» (Составили воспитанники I класса LV курса С. М. Аснаш и А. Н. Яхонтов; Под ред. заведующего Пушкинским музеем И. А. Шляпкина. СПб., 1899). Следует, однако, заметить, что замысел этого издания возник незадолго до пушкинского юбилея, весной или в начале осени 1898 г. Лицейский листок № 19 о ежегодных пожертвованиях в Пушкинский музей, выпущенный 19 окт. 1898 г., в частности, сообщал: «Теперьшние питомцы Лицея, стремясь поставить Puchkinian'у на высоту, достойную памяти гениального поэта и имени родного Лицея, взяли на себя пополнение и приведение в порядок музея, под непосредственным руководством заведующего им. С этой целью к весне 1899 г. будет выпущен в свет художественно-исполненный каталог Пушкинского музея, изданный на средства теперешних питомцев Лицея и составленный воспитанниками I класса» (РО ИРЛИ, ф. 665, оп. 1, № 1, л. 36). Судя по переписке Шляпкина, редактора каталога, с его составителями С. М. Аснашем и А. Н. Яхонтовым, издание было подготовлено в течение 1898/99 учебного года (см.: Там же, № 116, № 220; ф. 341, оп. 1, № 696, № 2371). Рассказ же К. Л. Дорспрунг-Целлицы Шляпкин услышал в мае 1897 г., т. е. приблизительно за год до начала непосредственной работы над каталогом.

ром воспитанников и преподавателем космографии, а в марте 1892 г. Высочайшим указом был назначен директором.<sup>53</sup> Выпускник LIV курса Николай Флиге вспоминал, в частности, о том, что Врангель «был крайне рассеян и постоянно оговаривался». Его «выражения, подобные тому, как “земля вращается” – “враща земляется”», становились лицейскими поговорками.<sup>54</sup>

На директорском посту Фердинанд Фердинандович Врангель пробыл недолго. Причиной его ухода из Лицея, как свидетельствуют документы личного дела, стала неожиданная болезнь. Вечером 6 марта 1896 г. «Его Превосходительство Г<осподи>н директор Лицея внезапно захворал обмороком, быстро исчезнувшим, слабостью, диплопией,<sup>55</sup> общим недомоганием»,<sup>56</sup> – этот факт зафиксирован в рапорте лицейского доктора К. Л. Павлова. В этом же документе, датированном 11 марта 1896 г., приведено и заключение врачебного консилиума, на который были приглашены крупнейшие специалисты в области офтальмологии и невропатологии – И. Х. Магавли,<sup>57</sup> Ф. Ю. Шредер<sup>58</sup> и И. П. Мержеевский.<sup>59</sup> Они установили «изменение кровообращения в области основания мозга» и предписали директору «помимо диетического и гигиенического лечения полный отдых от занятий и управления делами Лицея в течение нескольких недель». <sup>60</sup> Говоря современным языком, в начале марта 1896 г. у Ф. Ф. Врангеля случился микроинсульт.

Незадолго до этого, 20 февр. 1896 г., «за неодобрительное поведение» был «удален» из Лицея младший дядька при воспитанниках, отставной фейерверкер Никита Никитин, 45 лет, поступивший на службу в августе 1890 г. В «Деле об определении и увольнении ниж-

---

<sup>53</sup> Подробно о Ф. Ф. Врангеле см.: *Смирнов В. Г.* 1) Барон Ф. Ф. Врангель и Императорский Александровский Лицей // Пушкинский музей: Альманах. СПб., 2007. Вып. 4–5. С. 28–43; 2) Фердинанд Фердинандович Врангель. 1844–1919. М., 2009. С. 104–138.

<sup>54</sup> Цит. по: *Некрасов С. М.* «Лицейский староста» русского зарубежья. Записки Н. Н. Флиге // Пушкинский музей. СПб., 2007. Вып. 4–5. С. 96.

<sup>55</sup> Диплопия – нарушение зрения, проявляющееся в двоении видимых предметов.

<sup>56</sup> ЦГИА СПб., ф. 11, оп. 1, № 3528, л. 253.

<sup>57</sup> *Магавли Иван Христофорович, граф* (1831–1904) – офтальмолог, директор С.-Петербургской глазной лечебницы, лейб-окулист, член врачебного совещания Собственной Е. И. В. канцелярии по учреждениям Императрицы Марии (Александровский Лицей входил в ведомство учреждений Императрицы Марии).

<sup>58</sup> *Шредер Федор Юльевич* – доктор медицины, врач С.-Петербургской глазной лечебницы и консультант Мариинского института.

<sup>59</sup> *Мержеевский Иван Павлович* (1838–1908) – психиатр и невропатолог, один из основоположников отечественной неврологии, академик; директор клиники душевных и нервных болезней Медико-хирургической академии, председатель Общества психиатров.

<sup>60</sup> ЦГИА СПб., ф. 11, оп. 1, № 3528, л. 253.

них служителей» находим и другое объяснение причины его изгнания – «за неоднократное пьянство на дежурстве».<sup>61</sup>

Возможно, что эти два события просто случайно совпали по времени, но нельзя ли допустить, что внезапная болезнь 52-летнего директора – «человека долга, глубокой порядочности и в полном смысле слова джентльмена»<sup>62</sup> – стала следствием сильного нервного потрясения, которое спровоцировала кража пушкинской реликвии, совершенная при этом одним из служителей Лицея<sup>63</sup>? В середине мая 1896 г., через два с небольшим месяца после инсульта, Ф. Ф. Врангель вернулся к исполнению директорских обязанностей, но в июле 1896 г. подал прошение об отставке – «по болезни».<sup>64</sup> Отставка Врангеля, который «пользовался совершенно исключительным уважением и авторитетом», оказалась странной одному из лицейстов старшего курса – прежде всего потому, что бывший директор не был «назначен, как это всегда делалось, почетным опекуном, а уволен просто в от-

---

<sup>61</sup> Там же, № 1275, л. 11, 13.

<sup>62</sup> *Беленкова А. И.* Воспоминания лицеиста В. М. Кюхельбекера // Пушкинский музей. СПб., 2007. Вып. 4–5. С. 47.

<sup>63</sup> Справедливости ради следует отметить, что Никита Никитин состоял в Лицее младшим дядькой, а в записи И. А. Шляпкина речь идет о некоем «старшем дядьке». В лицейском штате было предусмотрено два старших дядьки при воспитанниках. Документы о нижних чинах и прислуге в делопроизводственном архиве Александровского Лицея сохранились, к сожалению, не в полном объеме (возможно, они относились к делам временного хранения), личных дел на эту категорию служителей не заводилось. Фронтальный просмотр сохранившихся дел за интересующий нас период показал, что старшими дядьками во время директорства Врангеля состояли отставной унтер-офицер Александр Хачев и запасной унтер-офицер Семен Колтунов (см.: ЦГИА СПб., ф. 11, оп. 1, № 1276, л. 4). Оба в январе 1896 г. подавали просьбу «о принятии их в число прислуги на время предстоящей торжественной коронации Их Императорских Величеств» и в этой связи положительно аттестовались лицейским начальством: «служат в Лицее по несколько лет, вполне благонадежны, исполнительны в своих обязанностях, честные и трезвого поведения» (Там же, № 1275, л. 1). Правда, Александр Хачев с августа 1896 г. не числится в ведомостях о выдаче жалованья (см.: Там же, № 1276, л. 43), но никаких документов о причинах его «убытия» из Лицея в «Деле об определении и увольнении нижних служителей» не сохранилось. Уволенный же 20 февр. 1896 г. Никита Никитин в июле 1896 г. подавал прошение на имя попечителя Лицея о получении единовременного пособия в размере годового оклада, что полагалось нижним чинам при увольнении. К прошению он приложил медицинское свидетельство лицейского доктора К. Л. Павлова от 6 марта 1896 г. о состоянии здоровья, делающем его «мало способным к физическому труду», и сослался на отсутствие средств к существованию, но в прошении Никитину было отказано (см.: Там же, № 1275, л. 11, 14, 15). Возможно, вскоре после этого он умер, так как в лицейском отчете за 1896 г. в разделе «Награды и пособия» среди «вдов лиц, служивших в Лицее», числится некая Е. Никитина (Там же, № 473, л. 28 об.).

<sup>64</sup> Там же, № 3528, л. 6 об., 256, 257.

ставку». <sup>65</sup> Это мнение В. М. Кюхельбекера (внука известного воспитанника I выпуска В. К. Кюхельбекера). Он вспоминал о событиях 1896 г. через 40 лет после окончания Лицея, воскрешая в памяти слухи, связанные с неожиданной отставкой директора, и, как прежде, не испытывая доверия к ним: «Впоследствии мне пришлось слышать, что увольнение бар. Ф. Ф. Врангеля было вызвано какими-то непорядками в денежной отчетности, его имя даже связывали с постройкой оранжереи в лицейском саду и т. д. В действительности же ничего подобного, конечно, не было. Бар. Ф. Ф. Врангель был всегда идеально честным человеком, и никакие инспекции не могут запятнать его честного имени. Значительно позже я узнал, что вокруг бар. Ф. Ф. Врангеля уже давно плелась целая сеть интриг и велась сложная кампания в недрах Ведомства Учреждений Императрицы Марии, где вообще бар. Ф. Ф. Врангеля невзлюбили за его самостоятельность и полную независимость. Бар. Ф. Ф. Врангель, как человек безусловно крупного калибра, стоял выше всех канцелярских формальностей, и мелкие, чисто формальные неправильности его в конце концов и погубили. Даже при назначении пенсии его обидели, и он об этом при наших встречах всегда говорил с большой горечью». <sup>66</sup>

Вернемся, однако, к происшествию в Лицее, зафиксированному в записи И. А. Шляпкина. 1896 год, когда оно, вероятнее всего, и произошло, оказался, пожалуй, самым неудачным для Пушкинского музея. Это единственный год в его дореволюционной истории, когда «в библиотеку Puschkiniana приношений никаких не поступало, а также не было сделано никаких приобретений и на средства Лицея», <sup>67</sup> – так сообщалось 19 окт. 1896 г. в лицейском листке № 17 о ежегодных пожертвованиях в Пушкинский музей.

О том, кто из коллег Ф. Ф. Врангеля знал о краже в музее и кто принял решение об изготовлении копии перстня, чтобы скрыть факт самой кражи, нам, видимо, не суждено узнать. Но приблизительно год спустя Шляпкин волею случая оказался в кругу тех, кого посвятили в лицейскую тайну, и он вынужден был хранить молчание об этой «низкой истине» – во имя «возвышающего обмана». Любопытно, что Шляпкин не доверил этой тайны своему дневнику, который вел на протяжении 40 лет. <sup>68</sup> Одна из дневниковых тетрадей, озаглавленная

---

<sup>65</sup> Беленкова А. И. Воспоминания лицеиста В. М. Кюхельбекера. С. 52.

<sup>66</sup> Там же. С. 52–53.

<sup>67</sup> РО ИРЛИ, ф. 665, оп. 1, № 1, л. 32.

<sup>68</sup> См.: Плютто П. А. Дневник профессора И. А. Шляпкина // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 216–222; Филлин М. Д. «...И душа отдыхает в прошлом...»: Пушкинские страницы дневников И. А. Шляпкина // Филлин М. Д. О Пушкине и окрест поэта: Из архивных разысканий. М., 1997. С. 194–236.

Дневники И. А. Шляпкина хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, ф. 1296, оп. 1, д. 25, 27). Пользуясь случаем, приношу



«Для будущей “Русской старины”» (записи в ней охватывают время с 15 янв. 1895 г. по 7 июня 1916 г. и начинаются парафразом пушкинской строки: «Записывай, не мудрствуя лукаво»), казалось, прямо была предназначена для рассказа о происшествии в Лицее. Но так случилось, что 19 мая 1897 г. Шляпкин сделал дневниковую по существу запись на визитной карточке, которая, в отличие от дневника, была под рукой. И эта запись, обрамляющая оттиск печатки фальшивого перстня, приобретала ценность свидетельского показания, отложенного, правда, на будущие времена.<sup>69</sup> Важно понимать, что это было показание не «обвинителя» или «свидетеля обвинения» (эту роль через 25 лет добровольно примет на себя И. В. Евдокимов), но свидетельство добросовестного историка и страстного коллекционера. Позитивию Шляпкина, на мой взгляд, в определенном смысле проясняет его предисловие к публикации пушкинских документов, которые он приобрел у Ф. И. Анненкова в 1899 г.: «Зная из долголетнего собирательского опыта, как легко пропадают волею случая всевозможные исторические документы, я в предлагаемой книге старался вполне исчерпать драгоценную находку так, чтобы и в случае исчезновения подлинников будущим исследователям мое издание могло бы хотя отчасти заменить их».<sup>70</sup> О том же писал и один из университетских учеников Шляпкина в некрологической статье о своем профессоре: «Он искренно верил, что каждая вещь, какая бы то она ни была, сохраненная для потомства, сможет облегчить работу будущего историка, ибо, говорил он: “от нас, современников, часто бывает скрыт истинный смысл того, что мы видим и осязаем”».<sup>71</sup>

Приблизительно через год после доверительного разговора с К. Л. Дорспрунг-Целлицей Шляпкин изготовил для себя еще три оттиска с фальшивого перстня (два восковых и один сургучный) — на небольшом листе картона, сделав при этом «правильную» подпись: «Оттиски с печати перстня А. С. Пушкина («Талисман»). Из Лицейского Пушкинского Музея 1898», — и окантовал под стеклом.<sup>72</sup> Судя

---

искреннюю благодарность А. С. Бодровой, просмотревшей по моей просьбе дневниковые записи Шляпкина с мая 1897 г.

<sup>69</sup> Нельзя, конечно, исключить, что Шляпкин мог вложить визитную карточку в дневниковую тетрадь, но впоследствии ее извлек оттуда В. Г. Дружинин, который «бережно хранил» дневники Шляпкина вплоть до своего ареста (см.: *Берестецкая Т. В. В. Г. Дружинин: Новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII—XVIII вв.): Сб. науч. трудов. М., 1994. С. 215).*

<sup>70</sup> *Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. VII.*

<sup>71</sup> *Соловьев В. Н. Памяти И. А. Шляпкина // Сборник Историко-театральной секции [Театрального отдела Наркомпроса]. Пг., 1918. Т. 1. С. 3.*

<sup>72</sup> Три оттиска в окантовке поступили в Музей Пушкинского Дома от В. Г. Дружинина 26 июня 1928 г. (т. е. ровно за полгода до передачи им архива И. А. Шляпкина в Рукописное отделение Пушкинского Дома). В 1953 г. они были

по выцветшим, практически «угасшим» фиолетовым чернилам, столь любимым Шляпкиным, этот «артефакт», возможно, был представлен в экспозиции его домашнего музея в селе Александровка (в трех верстах от Белоострова).<sup>73</sup> Все оттиски фальшивого перстня хранились у Ильи Александровича «домашним образом». Публично же Шляпкин не нарушил слова чести: ни тогда, когда оставался лицейским преподавателем и заведующим Пушкинским музеем, ни тогда, когда в 1904 г. оставил службу в Лицее ради Петербургского университета.<sup>74</sup>

Так, во время подготовки «Описания Пушкинского музея Императорского Александровского Лицея», которое вышло под редакцией И. А. Шляпкина к 100-летию рождения поэта, для воспроизведения древнееврейской надписи на «талисмане» был изготовлен гипсовый слепок с сургучного оттиска подлинного перстня Пушкина, и выданный русский гравёр В. В. Матэ исполнял гравюру по оттиску с этого слепка.<sup>75</sup>

---

переданы во вновь организованный Всесоюзный музей А. С. Пушкина. Важно отметить, что один из этих трех отпечатков фальшивого перстня (на сургуче) однажды все-таки был воспроизведен – в 1-м изд. книги Л. П. Февчук «Личные вещи А. С. Пушкина» (С. 68). Однако в последующих изданиях ее книг было помещено другое воспроизведение – с одного из оттисков подлинного перстня, также хранящихся в ВМП (см.: Февчук Л. П. 1) Личные вещи А. С. Пушкина. 2-е изд. С. 75; 2) Портреты и судьбы: Из ленинградской пушкинианы. Вклейка с ил.; 2-е изд., доп. Вклейка с ил. между с. 192 и 193). Замена иллюстрации, на которую прежде никто не обратил внимания (впрочем, как и на различия воспроизведенных оттисков), вряд ли была случайной: она, на мой взгляд, косвенно подтверждает так и не высказанные в печати сомнения многолетнего хранителя пушкинских меморий в том, что кража подлинного перстня поэта произошла весной 1917 г.

<sup>73</sup> Описание дома и кабинета И. А. Шляпкина приведено в статье его ближайшего ученика (см.: Горчинский П. А. Библиофильский уголок в Белоострове // Вестник литературы: Иллюстрированный журнал словесности, науки и библиографии. 1916. № 9–10. Стб. 162–168).

<sup>74</sup> Можно предположить, что И. В. Евдокимов, который, кажется, не принадлежал к кругу ближайших учеников Шляпкина, волей случая оказался посвященным в тайну пропавшего подлинного пушкинского кольца. В архиве Шляпкина сохранилась «Книга для прописывания жильцов» за 1908–1914 гг. в его усадьбе при с. Александровка Белоостровской волости. Там в качестве прислуги зарегистрирована некая Надежда Васильевна Евдокимова, 20 лет, из Петербурга (см.: РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 305, л. 12). Не приходилась ли она И. В. Евдокимов сестрой? И не побудила ли забота Шляпкина о верной, надежной прислуге в собственном доме-музее открыть лицейскую тайну своему студенту, принимая на службу его родственнику?

<sup>75</sup> В собрании Шляпкина сохранился сургучный оттиск перстня с гипсового слепка. Он сделан на отрывном листке с типографским текстом: «Для памяти», «1899 22/III» и собственноручной надписью Шляпкина: «Оттиск с гипсовой копии сургучного оттиска подлинного перстня А. С. Пушкина. И. Шляпкин» (в наст. время – во Всероссийском музее А. С. Пушкина). Так как в это время уже шла работа над корректурами «Описания», не исключено, что оттиск на этом листке мог предназначаться

Более того, копия перстня под именем пушкинского «талисмана» в мае 1899 г. была представлена и на юбилейной Пушкинской выставке в Императорской Академии наук.<sup>76</sup> Именно ее описал в газетном репортаже один из посетителей выставки: «Этот перстень – крупное золотое кольцо витой формы с большим камнем красноватого цвета и вырезанной на нем восточной надписью. Такие камни со стихом Корана или мусульманской молитвой и теперь часто встречаются на Востоке».<sup>77</sup> Вряд ли создававшие эту выставку академик Л. Н. Майков и его ближайший помощник Б. Л. Модзалевский, который только начинал свое служение на поприще пушкинистики, сомневались тогда в подлинности бесценной реликвии. Впрочем, через несколько лет Модзалевский мог оказаться в кругу посвященных, о чем, на мой взгляд, косвенно свидетельствует неопубликованное письмо И. А. Шляпкина Б. Л. Модзалевскому от 12 нояб. 1903 г. Оно касается текущих дел академической Комиссии для издания сочинений Пушкина (Шляпкин был членом Комиссии, Модзалевский – ее делопроизводителем). «Для В. Е. Якушкина, – писал Шляпкин, – мной заготовлены 3 тетради из Анненковских бумаг: это нужно послать ему через Комиссию казенной посылкой. Кроме того я привез автограф для снятия его (у Вас) фотографией. Это – “Восстань, о Греция” и пр. Не откажите или сами захватить ко мне в любое время, или прислать верного служителя с распиской в принятии обеих посылок».<sup>78</sup> Обращают на себя внимание две детали: и не случайно подчеркнутое Шляпкиным слово «верного», и то, что после возвращения документов он не уничтожил расписку Модзалевского: «Две переплетенных тетради и одну без переплета с копиями с произведений Пушкина и черновой автограф его “Восстань, о Греция”, получил для пересылки В. Е. Якушкину. Секретарь Комиссии по изданию сочинений Пушкина Б. Модзалевский. 13.XI.1903».<sup>79</sup>

---

для В. В. Матэ, выполнявшего изображение надписи на перстне в середине апреля 1899 г. (см.: РО ИРЛИ, ф. 665, оп. 1, № 220, л. 1, 7; ф. 341, оп. 1, № 696, л. 1, 3). Гравированное изображение оттиска см. в кн.: Описание Пушкинского музея Императорского Александровского Лицея. С. 12.

<sup>76</sup> «Кольцо Пушкина с талисманом. *Собств. Пушкинского музея при Императорском Александровском Лицее*» (Альбом Пушкинской юбилейной выставки в Императорской Академии наук в С.-Петербурге. Май 1899 / Под ред. Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевского. М., 1899. С. 23 (№ 728); Пушкинская юбилейная выставка в Императорской Академии наук в С.-Петербурге. Май 1899: Каталог / Под ред. Б. Л. Модзалевского. СПб., 1899. С. 92 (№ 728)).

<sup>77</sup> Цит. по: *Февчук Л. П.* Портреты и судьбы: Из ленинградской пушкинианы. 2-е изд., доп. С. 211.

<sup>78</sup> РО ИРЛИ, ф. 184 (Б. Л. Модзалевского).

<sup>79</sup> Там же, ф. 341, оп. 1, № 1822, л. 3.

В деле сохранения лицейской тайны важным оказалось и то, что о пропаже не узнал Н. О. Лернер, который обладал фантастической способностью распространять сенсации с быстротой современного Интернета.<sup>80</sup> Лернер никогда не сомневался в том, что в Лицейском музее находится подлинный перстень Пушкина. Об этом свидетельствуют и его примечание к стихотворению «Талисман» в венгерском издании «Сочинений» Пушкина,<sup>81</sup> и две специальные статьи о кольце поэта – в «Биржевых ведомостях»<sup>82</sup> и «Журнале журналов».<sup>83</sup> Лернер относил «воспетый Пушкиным талисман» к «одному из лучших сокровищ» музея; правда, отмечал, что «перстень довольно неуклюжей работы, и надпись исполнена грубовато». «У сына почтенного рабби Иосифа, – иронизировал он по этому поводу, – пальцы, должно быть, были претолстые, и перстень не приходился на холеную аристократическую руку поэта, который мог надевать его только на большой палец»<sup>84</sup> (так, во всяком случае, Пушкин изображен на известном портрете работы В. А. Тропинина). Если бы Лернер доверился своим ощущениям о качестве работы ювелира, то он мог бы приблизиться к разоблачению лицейской тайны намного раньше событий 1917 г.! Но Лернер был лишен возможности сравнить, как Шляпкин, отгиски подлинного перстня и фальшивого, а позднейшая статья И. В. Евдокимова в московском журнале, где почти дословно повторена лернеровская характеристика лицейского экспоната («современный перстень довольно плохой работы, с грубо выполненной надписью на нем»<sup>85</sup>), кажется, осталась неизвестной дотошному пушкинисту.

Одним словом, вплоть до 1923 г., когда была напечатана статья И. В. Евдокимова, история о пропаже пушкинского перстня в спокойном и благополучном 1896 г., а не в смутном и революционном 1917 г., так и не стала общественным достоянием. Приходится признать, что при определенном стечении обстоятельств кража лже-«талисмана» в разгар Февральской революции могла бы окончательно «похоронить» скандальную для Лицея историю 20-летней давности.

В процессе «архивного расследования» о давней краже из Лицейского музея возник еще один важный вопрос: почему «свидетельское

---

<sup>80</sup> См.: Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому / Публ. Т. И. Краснобородько // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 808–812.

<sup>81</sup> *Пушкин*. [Соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1910. Т. 4. С. XXIV–XXV (Библиотека великих писателей).

<sup>82</sup> *Лернер Н.* «Железное кольцо Пушкина» // *Биржевые ведомости*. 1915. 29 янв. Утр. вып. (перепечатано: Лицейский журнал. 1915. № 3–4. С. 115–121).

<sup>83</sup> *Лернер Н. О.* Кольцо Пушкина: По поводу статьи «Вольная Академия» А. И. Куприна // *Журнал журналов*. 1916. № 18. С. 8–9.

<sup>84</sup> Там же. С. 9.

<sup>85</sup> *Евдокимов И.* Украденный перстень Пушкина. С. 25.

показание» И. А. Шляпкина на его визитной карточке, доступное, по меньшей мере, с конца 1928 г., оставалось неопубликованным? Этого не сделал Л. Б. Модзалевский, который в 1930-е гг. формировал в Рукописном отделе ИРЛИ Пушкинский архивный фонд (ф. 244) и тогда же перевел в него из архива Шляпкина (ф. 341) визитную карточку с сургучным оттиском.<sup>86</sup> Этого не сделал и Н. И. Мордовченко, который непосредственно оформлял визитную карточку в 7-ю опись Пушкинского фонда (она называется «Копии писем А. С. Пушкина и к А. С. Пушкину» и относится, пожалуй, к числу самых не востребовавшихся в рукописной «Пушкиниане»). Почему они «не дали ходу» «милый» архивной привычке и не опубликовали неизвестный документ? Вряд ли возможно однозначно ответить на этот вопрос. Думаю, что тогда, в конце 1930-х гг., подобная публикация была преждевременной. Надо полагать, что и для Л. Б. Модзалевского, и для Н. И. Мордовченко вопрос заключался не столько в том, чтобы восстановить истину в деле, обращенном в недавнее прошлое и косвенно обвиняющем это прошлое, сколько в судьбах людей – как названных в этом документе, так и причастных к его хранению и передаче в Пушкинский Дом.

В мае 1918 г. Императорский Александровский Лицей прекратил свое существование, фактически – был разгромлен. К счастью, его бесценные коллекции в 1917 г. принял в свое лоно Пушкинский Дом,<sup>87</sup> но почти все лицеисты, не уехавшие из Петрограда, стали жертвами «лицейского дела», которое в 1925 г. сфабриковало ОГПУ.<sup>88</sup> 70-летний В. А. Шильдер, последний директор Лицея, был арестован вместе с семьей. Он умер в тюрьме во время следствия, «оповещенный о том, что к смертной казни приговорен не только он сам, но и жена и сын»<sup>89</sup> – М. В. Шильдер, выпускник 1914 г. В мае 1917 г. сын директора Лицея помогал П. Е. Рейнботу, заведующему Лицейским музеем (лицеисту XXXV курса), перевозить музейные коллекции в Пушкинский Дом. 70-летний Рейнбот, который в 1925 г. уже служил в Пушкинском Доме, также был арестован по «лицейскому делу» и отбыл ссылку за Уралом (он умер в Ленинграде в начале

---

<sup>86</sup> Л. Б. Модзалевский почему-то не передал документ с оттиском лже-«талисмана» в Музей Пушкинского Дома, где к тому времени уже хранились другие оттиски из собрания Шляпкина. В 1953 г. все они, как уже отмечалось, были переданы во Всесоюзный (ныне – Всероссийский) музей А. С. Пушкина.

<sup>87</sup> См. об этом в письмах Б. Л. Модзалевского Н. А. Котляревскому (Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 203–204; publ. Е. И. Семенова) и М. О. Гершензону (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб., 2001. С. 340; publ. Е. Ю. Литвин).

<sup>88</sup> Подробно см.: *Телетова Н. К.* «Дело лиценстов» 1925 года // *Звезда*. 1998. № 6. С. 115–131.

<sup>89</sup> Там же. С. 120.

1934 г.).<sup>90</sup> На Северный Урал был выслан и Г. П. Блок – лицеист LXV курса, управляющий делами Конференции АН и активный сотрудник Пушкинского Дома с 1921 г. (отбыв ссылку по «лицейскому делу», он вновь был арестован в феврале 1935 г. и выслан в Казахстан).<sup>91</sup> На каторжные работы в Соловки был отправлен выпускник 1915 г. А. А. Сиверс (сын ближайшего друга Б. Л. Модзалевского) и в октябре 1929 г. был там расстрелян.<sup>92</sup> Член-корреспондент Академии наук В. Г. Дружинин, передавший архив Шляпкина в Пушкинский Дом, в июне 1930 г. был арестован по «академическому делу» и приговорен к концлагерю на пять лет. 70-летний ученый сначала отбывал срок на Соловках, потом – ссылку в Ростове-Ярославском. Он скончался в Ленинграде в январе 1936 г., вскоре по возвращении из ссылки.<sup>93</sup>

Вполне возможно, что, когда Л. Б. Модзалевский решал вопрос об «архивной прописке» визитной карточки Шляпкина с оттиском лже-«талисмана», трагический контекст, который возник в 1920–1930-е гг. вокруг этого документа, был для него намного важнее деталей лицейской истории почти 40-летней давности.

Думаю, что подобное предположение не совсем беспочвенно. Во всяком случае, в научном описании «Рукописей Пушкина», над которым Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский работали именно в 1-й половине 1930-х гг., в некоторых справках об истории бытования автографов (эти сведения собирал Модзалевский) имеются, так сказать, «особенные» лакуны. Речь идет не о тех случаях, когда Льву Борисовичу не удалось разыскать необходимую информацию о владельцах, дарителях или продавцах рукописи, а когда умолчания были, на мой взгляд, «умышленными». К примеру, в истории бытования автографа «Альфонс садится на коня...» отмечено, когда он поступил в Пуш-

---

<sup>90</sup> О П. Е. Рейнботе см.: *Яценко О. А.* «Принадлежит к числу достойнейших бывших лицестов...» (П. Е. Рейнбот) // Страницы истории пушкиноведения: Сб. науч. трудов. СПб., 1994. С. 41–54; Переписка Б. Л. Модзалевского с П. Е. Рейнботом / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб., 2001. С. 220–258; *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918–1928 гг. / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб., 2003. С. 291–292, 328, 330; *Н. А. Прозорова.* Пушкинское лицейское общество // Там же. С. 485–490; *Модзалевский Б. Л.* Из записных книжек 1920–1928 гг. / Публ. Т. И. Краснородько и Л. К. Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005 (по указателю).

<sup>91</sup> О Г. П. Блоке также см.: *Телтова Н. К.* «Дело лицестов» 1925 года. С. 126; *Модзалевский Б. Л.* Из записных книжек 1920–1928 гг. (по указателю).

<sup>92</sup> См.: *Аксакова Т. А.* Дочь генеалoga / Публ. Л. Остроумова [А. И. Добкина и А. Б. Рогинского] // Минувшее: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 4. С. 41.

<sup>93</sup> О В. Г. Дружинине см.: *Берестецкая Т. В.* В. Г. Дружинин: Новые материалы к биографии. С. 214–227.

кинский Дом,<sup>94</sup> но не указано от кого, хотя в делопроизводственном архиве Пушкинского Дома (Л. Б. Модзалевский очень хорошо знал этот фонд!) есть документ, подтверждающий, что рукопись была приобретена 20 марта 1919 г. у Б. П. Брюллова за 400 руб.<sup>95</sup> Умолчание не случайно: Борис Павлович Брюллов, внук известного акварелиста и архитектора А. П. Брюллова, был арестован в 1933 г. по «делу краеведов» и отбыл ссылку в Томске. В 1937 г. он вновь был арестован и погиб в заключении.<sup>96</sup>

Другой пример. В «Предисловии» к научному описанию указано, что рукописи Пушкина из собрания Шляпкина поступили в Пушкинский Дом после его смерти в 1918 г.<sup>97</sup> Между тем документы того же делопроизводственного архива Пушкинского Дома свидетельствуют о том, что самая ценная часть коллекции Шляпкина – пушкинская – была передана в 1921 г. П. А. Горчинским.<sup>98</sup> Его жизнь также оборвалась трагически: ближайший ученик и душеприказчик Шляпкина, профессор кафедры русской литературы и директор фундаментальной библиотеки Ленинградского университета до 1930 г., преподававший в Военно-медицинской академии РККА в 1930-е гг., П. А. Горчинский был арестован в конце сентября 1937 г. и через месяц расстрелян.<sup>99</sup>

Завершает научное описание «Рукописей Пушкина» раздел «Дополнение» («Рукописи, поступившие в архив Пушкинского Дома и обнаруженные после составления настоящего описания»). Здесь зарегистрировано 15 автографов; 14 из них (№ 809–811, 813–823) восходят к собранию П. Е. Щеголева. Для первых трех рукописей Л. Б. Модзалевский дал предельно точную информацию: две (№ 810, 811) поступили 26 апр. 1935 г. от сына пушкиниста – П. П. Щеголева, третья (№ 809) – 11 марта 1936 г. от вдовы последнего А. Н. Щеголевой (Изергиной). «Движение» 11 рукописей (№ 813–823) представлено следующей схемой: «А. А. Пушкин – 1914 – Г. А. Пушкин (внук) – 1919 – П. Е. Щеголев – 1931 – ноябрь 1936 – ПД», в которой нарушен принятый в описании «ритм» справки о посмертном бытова-

---

<sup>94</sup> Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 90 (№ 230).

<sup>95</sup> См.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПФ АРАН), ф. 150, оп. 1 (1921), № 1, л. 17.

<sup>96</sup> О ссылке Б. П. Брюллова Модзалевский сообщал М. А. Цявловскому 18 февр. 1934 г. (см.: РО ИРЛИ, ф. 387, № 239, л. 33 об.). Подробно о Б. П. Брюллове см.: *Фролов В. А. Жизнь и деятельность Б. П. Брюллова // Анциферовские чтения: Материалы и тезисы конференции (20–22 декабря 1989 г.)*. Л., 1989. С. 40–42.

<sup>97</sup> См.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. С. XVI.

<sup>98</sup> См.: СПФ АРАН, ф. 150, оп. 1 (1921), № 3, л. 5–6, 51; № 1, л. 19, 28 об.; ф. 1, оп. 1а (1921), № 169, л. 10 об.

<sup>99</sup> См.: Ленинградский мартиролог: 1937–1938: октябрь 1937 года / Под ред. А. Я. Разумова. СПб., 1996. Т. 2. С. 89.

нии пушкинского автографа (владелец – дата перехода документа – следующий владелец и т. д.). В интересующих нас случаях между именем последнего владельца и Пушкинским Домом почему-то обозначены две даты. Значение первой из них прозрачно: П. Е. Щеголев скоропостижно скончался 22 янв. 1931 г. Смысл второй даты не столь очевиден и требует отдельного комментария.

В распоряжении П. Е. Щеголева находились рукописи Пушкина и документы его архива, которые в конце 1918 г. при его посредничестве были приобретены у Г. А. Пушкина (внука) для Пушкинского Дома<sup>100</sup> и временно были оставлены у известного пушкиниста для изучения и публикации. Задержавшись в пользовании Щеголева рукописи начал «вызывать» еще Б. Л. Модзалевский в июле 1923 г.<sup>101</sup> В 1924, 1928 и 1930 гг. Щеголев постепенно их возвращал,<sup>102</sup> но не успел передать все. После его смерти довольно значительный комплекс документов, включавший не только пушкинские автографы,<sup>103</sup> но и часть архива поэта (адресованные ему письма, деловые бумаги, счета магазинов и проч.), оставался у Ю. Г. Оксмана, который предполагал подготовить к печати незавершенную книгу П. Е. Щеголева «Будни Пушкина». Об этом Оксман сообщал в подробном редакторском примечании к публикации «Неизданных писем к Пушкину» из собрания Щеголева, которую подготовил для пушкинского тома «Литературного наследства».<sup>104</sup> Ряд материалов, напечатанных в «Литературном наследстве», Юлиан Григорьевич в течение 1934 г. возвратил в Институт русской литературы, где он служил с октября 1933 г. Вскоре Оксман был назначен заместителем директора Института, позднее – заведующим редакцией академического издания Полного собрания сочинений А. С. Пушкина. 5 нояб. 1936 г. в заседании Президиума АН СССР работа Ю. Г. Оксмана по подготовке пушкинского издания была признана «совершенно неудовлетворительной», и он, «как не оправдавший оказанного ему доверия», был освобожден от исполнения обязанностей заведующего редакцией и должен был «немедленно» сдать все дела специально со-

---

<sup>100</sup> См.: РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 1465 (расписка Г. А. Пушкина от 14 дек. 1918 г.); *Модзалевский Б. Л.* Из записных книжек 1920–1928 гг. С. 152 (примеч. 310).

<sup>101</sup> См.: *Модзалевский Б. Л.* Из записных книжек 1920–1928 гг. С. 29 (запись от 5 июля 1923 г.).

<sup>102</sup> См., например, справки к автографам № 190, 390–413, 620, 701, 739, 770 в кн.: *Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме.*

<sup>103</sup> О том, что они «представляют собой <ценность> ПД», Л. Б. Модзалевский подтверждал, в частности, в письме М. А. Цявловскому от 2 апр. 1932 г. (РО ИРЛИ, ф. 387, № 238, л. 22).

<sup>104</sup> См.: *Литературное наследство.* М., 1934. Т. 16–18. С. 552. Также см.: *Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер.* М.; Л., 1935. С. 797 (примеч. 1). Книге П. Е. Щеголева «Будни Пушкина» так и не суждено было увидеть свет.



зданной комиссии.<sup>105</sup> 6 нояб. 1936 г. ученый был арестован. А две недели спустя, 19 нояб. 1936 г., был составлен акт о передаче «материалов Архива Пушкина из бумаг П. Е. Щеголева, хранившихся у Ю. Г. Оксмана».<sup>106</sup> Акт подписан новым заведующим редакцией пушкинского издания В. Д. Бонч-Бруевичем, который передал в Пушкинский Дом 80 документов (в том числе и 11 упомянутых ранее пушкинских автографов), и двумя представителями Пушкинского Дома: заведующим Архивом О. В. Цехновицером и заведующим Пушкинским фондом Архива Л. Б. Модзалевским, которые приняли эти материалы. Составляя «Дополнение» к научному описанию автографов Пушкина (сама книга была сдана в набор ровно за год до описываемых событий – 19 нояб. 1935 г.), Модзалевский, лишенный возможности объяснить причину задержавшегося поступления рукописей в Пушкинский Дом, обозначил эту историю только хронологически («ноябрь 1936»), без упоминания репрессированного ученого. С одной стороны, такой «ход» был безопасен в цензурном отношении, с другой – оставлял возможность следующим поколениям архивистов в другие, более благополучные времена развернуть скрытую информацию.

Приведенные примеры, на мой взгляд, красноречиво свидетельствуют о жесткой самоцензуре архивистов в 1930-е гг. Конечно, она касалась не только «крамольных» фактов в истории бытования некоторых пушкинских рукописей, но распространялась и на публикацию документов, принятых на хранение в Пушкинский Дом. В описанных обстоятельствах обнаружение визитной карточки Шляпкина с историей о краже пушкинского перстня из Лицейского музея, как мне представляется, было несвоевременно и неуместно. Сам же архивист, публикуя этот документ в 1930-е гг., из хранителя документов рисковал превратиться – помимо своей воли – в идеологического обвинителя многих близких ему людей и коллег, репрессированных властью или трагически ушедших из жизни.

Вернемся, однако, к началу этой детективной истории. Если бы в 1883 г., когда по смерти Тургенева решалась судьба пушкинского перстня, П. В. Жуковский был более настойчив, эта реликвия, возможно, оказалась бы в парижском собрании его друга А. Ф. Онегина и в 1909 г., как и весь Онегинский музей, стала бы собственностью Императорской Академии наук. Тогда бы в 1928 г., когда онегинские коллекции перевезли из Франции в Россию, в фонды Пушкинского Дома поступил подлинный перстень Пушкина, а не визитная карточка И. А. Шляпкина с оттиском лже-«талисмана»... Теперь же остается только присоединиться к словам А. Ф. Онегина – несостоявшегося хранителя пушкинской реликвии: «Жаль кольца...».

---

<sup>105</sup> СПФ АРАН, ф. 150, оп. 2, № 127, л. 38.

<sup>106</sup> Первый его экземпляр хранится в секторе архивного учета РО ИРЛИ.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ЕЖЕГОДНИК**  
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА  
ПУШКИНСКОГО ДОМА

**на 2011 год**



С.-ПЕТЕРБУРГ  
2012